Текст · 16 августа 2024, 18:18
Алла Константинова, Павел Васильев,

«Думаю, Путин и не знает, что наших сыновей туда отправили». Родственники ищут срочников, пропавших после боев в Курской области

Курскую область, как и другие «второстепенные» направления на российско-украинской границе, охраняют части, укомплектованные срочниками. Когда началось вторжение ВСУ, призывники оказались на передовой. Многие из них попали в плен или числятся пропавшими без вести. К переброске в приграничье могут готовить срочников и из других частей. «Медиазона» поговорила с родными призывников.

Сразу после начала наступления Украины на Курскую область стало понятно, что среди противостоящих ВСУ российских военных много срочников: они входили в состав группы войск прикрытия границы. Некоторые из них попали в плен, сообщается, что некоторые получили ранения.

Власти не подтверждали гибель срочников. 14 августа стало известно, что в Курской области погиб 22-летний Артем Добродумский. Некролог опубликовал спортивный клуб карате «Георгий Победоносец», где Добродумский занимался много лет. По словам его тренера Ярослава Стурова, Добродумский не дожил до своего дня рождения три дня, а его гибель подтвердили родственники. «Все, что известно на сегодня, — что он служил срочную

службу и погиб под Курском», — цитирует Стурова ростовское издание *161.ru*.

Украинский проект «Хочу найти» утверждает, что в плену могут находиться около 30 срочников, а за последние дни проект получил уже 125 заявок от россиян, разыскивающих военных, пропавших в Курской области. Как подсчитала «Верстка», украинские СМИ и телеграм-каналы опубликовали минимум 11 видео с солдатами-срочниками, взятыми в плен[1] в Курской области.

«Важные истории» по сообщениям в соцсетях о пропаже военных смогли идентифицировать 29 российских срочников. *Astra* утверждает, что к 15 августа их было уже 42[2]. Пропавшие служили в 488-м мотострелковом полку, дислоцированном в Клинцах, под Брянском; связь с ними потеряли в первые три дня вторжения в Курскую область.

Срочники до сих пор остаются на позициях в Курской области, пишет «Агентство» со ссылкой на источник в одной из организаций, которая занимается правовой помощью российским солдатам. Две матери, успевшие связаться с сыновьями-срочниками, рассказали изданию, что призывников в области объявили «боевым подразделением»: «Взводу, по их словам, дают боевые команды, а командиры отказываются увозить срочников в тыл».

О присутствии срочников в Курской области рассказал и командир чеченского спецназа «Ахмат» Апти Алаудинов. «До сих пор большая часть участка нашей первой пограничной линии контролируется.

Как сидели, так и сидят подразделения пограничных войск. Как бы оно ни было, те же срочники сидят до сих пор в некоторых частях», — отметил представитель Минобороны.

Родители срочников рассказывают об их предстоящей переброске в Курскую область. Они сказали «Агентству», что призывникам из 80-й мотострелковой дивизии в Мурманской области сообщили о грядущей отправке сразу после принятия присяги. Других призывников командиры вынуждают подписывать контракты, угрожая отправкой под Курск. «Верстка» утверждает-, что срочникам предлагают 4–4,5 тысячи рублей суточных «боевых» за участие в «зачистке» Курской области после работы российских штурмовых отрядов.

Свидетельства об отправке срочников в Курскую область, где идут боевые действия, поступили уже из девяти регионов, включая Москву и Калининград. В некоторых случаях речь идет об отправке после «курса молодого бойца» или через несколько недель, а в некоторых — об отправке прямо сейчас, отмечает «Агентство». О переброске срочников в Курскую область сообщают и источники в западных разведках.

«Я говорю: "Где мой ребенок?". Они: "Не знаем"». Валентина Овчинникова, мать 19-летнего срочника из Ивановской области

488-й гвардейский мотострелковый полк, войсковая часть 12721 в Клинцах Брянской области

Сын после девятого класса закончил колледж, получил специальность электромонтера. У него аномалия сердечного ритма, еще он в детстве ногу ломал, был сложный двойной перелом — у него одна нога короче другой, прихрамывает. Пока дома жил, мы ему заказывали ортопедическую стелечку. Говорила ему: «Давай сходим в платную поликлинику, тебе дадут [белый билет]». Но он уперся, и все: «Я пойду». Он в полицию хотел пойти работать, а в полицию не служивших не берут[3]. Хотя служить Саша мог и не ходить: он был с отцом прописан, и отцу дали первую группу [инвалидности] в октябре 2023 года, а Сашу в ноябре забрали.

[Из Иваново] Сашу отправили сначала в Острогожск Воронежской области, там он заработал воспаление легких, весной лежал в госпитале. Позвонил мне числа седьмого мая: «Мам, мы едем в Плесецк». Думаю, ну ладно, слава богу, хоть подальше от границы, а вечная мерзлота — ничего страшного. А когда приехал, с вокзала звонит: «Мам, а мы на Брянск». Из Брянска его направили в Почеп, он там прослужил неделю, а потом повезли в Клинцы. Там он пробыл четыре дня — и в Суджу.

В июле я спросила его, где у них опорник[4].

Саша сказал: «А тебе и знать не надо». А потом я разговаривала с его другом, и тот обронил слово «таможня». Начала искать по интернету, вышла на МАПП недалеко от Суджи, это бывший международный автомобильный пункт[5]. 2 августа

Саша мне звонил, я спросила его про этот МАПП. Он ответил: «Ну, ты правильно думаешь». И сказал, что в караул они ходят в лес, километра за полтора, где-то там у них был блиндаж. Саша был поваром в армии.

контент по ссылке

Telegram

Радио Свобода / Radio Svoboda (ru)

Р̸а́дио Свобода публикует новый спутниковый снимок Международного пункта пропуска "Суджа", разрушенного в первый день украинского наступления на Курскую область. Фотография сделана 11 августа. МАПП охранялся солдатами-срочниками, десятки из них были взяты в плен Украиной.

https://t.me/radiosvoboda/66392

В общем, в Курской области он был с мая. Я Саше не один раз говорила: «Вы там не должны быть». Он отвечал: «Мам, оставь меня, пожалуйста». Сейчас общаюсь с другими мамами в чатах, некоторые говорят, их сыновей только в конце июля перебросили в Курскую область. Сейчас ненайденных мальчиков, может, 30 из 68 [судя по данным в одном из чатов].

2 августа он сказал [по телефону], что их начали обстреливать. Я спросила: «Вас вывезли?». Он сказал: «Нет, остаемся на МАППе». Очень тихо говорил. Я: «У тебя ничего не болит? Точно?». Он: «Точно». А потом 5 августа прислал мне СМС с кодовым словом — у нас с ним было кодовое слово на случай опасности. Написал: «Как дела, мам?». И приписал кодовое слово. И потом в 15:46 еще одна СМС: «Сенсорные телефоны у нас отобрали, я пошел в наряд». И все, больше связи не было. Потом я писала ему, писала, а он уже не читал.

Саша Овчинников. Фото предоставлено матерью

И все, после этого мы его не слышали, не видели. 6 августа появилась вся эта информация [про вторжение ВСУ]. Начала звонить в часть в Клинцы — шестого не дозвонилась, седьмого не дозвонилась, восьмого не дозвонилась… Девятого взяли трубку, попросила с начальником поговорить. Но я так понимаю, я не с начальником разговаривала. Спросила, в какой роте Саша служил, взвод, сказали, не знают. Я говорю: «Где мой ребенок?». Они: «Не знаем». Говорю: «Что значит "не знаете", он — срочник, я его вам отдала!». Отвечают: «Ну, они находятся на оккупированной территории». Ну значит, надо эвакуировать, говорю! «Вы сами понимаете, что пока там идут боевые действия, никто их вывозить оттуда не будет». Писала Елене Санниковой из кировского отделения «Солдатских матерей». «Мамочки, терпите, берегите себя, берегите нервы», — вот так она ответила.

Мы обзваниваем госпитали — в Курске, в Курчатове. Говорят, что «не дают такую информацию». А в [воинской] части в Клинцах, когда мы все-таки дозвонились, позавчера умудрились сказать: «В плохих списках [Александра] нет». Я говорю: «Так, а с этого момента подробнее! Значит, эти списки есть?». В Министерство обороны я не дозвонилась. Сначала в администрацию президента попала, а они там смеются просто над нами: дали номер [Минобороны] не тот, а еще сказали, что «только письменные обращения берут». Мы [с другими матерями срочников] хотели Путину писать. А дойдет ли это до Владимира Владимировича, мы не знаем. Нет, я думаю, что Владимир Владимирович просто не знает, что наших сыновей туда [на бой в Курскую область] отправили.

Как я эти дни живу? Днем — вроде ничего. А как ночь начинается — кушать надо варить или баню начинаешь топить, — сразу думаю, как они там? Где, чего, без еды, без воды... За что, почему? Мы сами из деревни, пенсии не хватает, коз держим, у мужа онкология... Я пенсионерка, Сашу в 39 лет родила. Он родился у меня в Рождество Богородицы, он меченый, не может быть, чтобы он пропал. Сердечко щемит — наверное, он в плену.

«Если мы не поможем, они полягут в окружении». Ирина Яцюк из Вологды, ищет 21-летнего сына Данила

3-я мотострелковая дивизия, воинская часть 54046 в Богучаре Воронежской области

Призвали сына 27 ноября 2023 года. Из учебки в Тамбове сына отправили в Богучар Воронежской области. В начале мая 2024 года на три недели на полигон, а после, 6 июня — в Суджанский район Курской области. Не знаю, как им это объясняли. Сын сказал, что за месяц до дембеля их отправят обратно в часть.

Там вся граница была усеяна срочниками, они там давно уже стоят. Мы сейчас в чатах с мамами общаемся: у кого-то сын там с апреля, у кого-то с мая. И когда 6 августа началась атака ВСУ, бой приняли наши парни, которые ничего не умеют.

Сын говорил, что там [в приграничной зоне] и контрактники есть, и мобилизованные, но в каком количестве, не знаю. При этом Данил говорил, что мобилизованные там те, кто после госпиталей.

Мой бывший муж, отец Дани, ездил к нему 18 июля в Плехово и лично видел, что у них ничего [из вооружения] почти нет. Даня, говорит, а где у вас хоть пулеметы? «Нету, папа». Говорит, вот недавно «газелька какая-то несколько дней ездила, фотографировала позиции». А потом они выяснили, что это вэсэушники какие-то — ее вычислили и их расстреляли. Кто расстрелял, не сказал, ну уж не срочники, наверное. А там [в салоне] было три украинца, он отцу это рассказал.

Еще 2 августа он написал отцу: «Нас обстреливают». 6 августа в три часа ночи Данил написал отцу

сообщение: «Папа, в три часа ночи начался обстрел, до 12 дня он не прекращался». Там разные КПП: на одном — срочники, на следующем — еще человек 15 срочников, все на позициях. И на нашу позицию в поселке Плехово вэсэушники напали рано утром 9 августа. Сын нам написал: «На нас напали». Уходили они с боем. В течение дня он писал, что им удалось уйти «за 15 километров». Я спрашиваю: «Раненые есть?». Он: «Нет». На мои вопросы, кто, чего, какие распоряжения, он не отвечал. Только «да», «нет», «хорошо». В пять вечера 9 августа он вдруг написал: «Мы будем возвращаться, штурмовать свои позиции». И больше на связь не вышел.

Мы звонили в Министерство обороны — «нет информации», в комендатуру Вологды, на горячую линию в Курскую область — нет по нему никакой информации. Начала общаться в телеграме с другими мамочками, тут такие большущие чаты, все мамочки ищут своих. «Твой был в Плехово?» — «Да, был».
— «Выходил на связь?» — «Нет, не выходил».
Они [военные] заставляют ребят сейчас подписать контракты, чтобы свои жопы прикрыть! Якобы там [в зоне боев] не срочники были, а контрактники! И якобы на них сейчас дезертирство оформят, раз они убежали в леса. А что им делать-то было? Они и стрелять-то не умеют. На них танки вышли!

Вчера я ездила в Богучар, в его воинскую часть 54046. Приехала с самого утра из Вологды, это 1 400 километров пути. Приехали, а в части нам говорят: «Часы приема с 16 часов». И вот мы весь день их прождали. Я думала, что мы приедем и там куча мам будет. И еще на посту [военного] спрашиваю: «Родители, наверное, к вам кучами ходят?». А он: «Да

нет». Только один мужчина приехал, из Москвы. Тоже требовал что-то про сына ему сказать. Но когда мы вышли [из части], его уже не было.

Пришла, говорю: «Поднимайте все дела, какая рота у него, номер жетона, где находится». Сразу засуетились, сказали мне номер роты и то, что Данил жив. Но сейчас он находится в поселке в окружении, говорят. Это командир с нами общался. Я его спрашиваю: «А почему срочники одни границу-то защищают?». А он: «Так а кто меня туда отправит?». Некоторых [срочников], которые ушли в леса, их вывели, забрали волонтеры[6]. Я спрашиваю: «А с теми ребятами что?». Он мне говорит: «Сейчас мы их переоденем [срочников], и они пойдут снова занимать свои позиции». Я: «То есть, там идут бои, а вы их обратно?». А он: «Нам их заменить больше некем». Фамилию этого командира я не запомнила.

[Военные] ничего не предлагают, плечами пожимают! А чего ждать? Я бы, может, тоже так думала, пока не съездила и не поговорила с их командиром! Может, тоже бы думала, что лучше это огласке не предавать! Но если мы сейчас не поможем, кроме нас, их никто не вытащит! И они полягут там в окружении, у них там нет помощи.

«Думаю, уже билет до Курска, что ли, взять, найти их?». Маргарита Тихонова из Оренбурга, ищет 19-летнего сына Ильнара

У меня ребенок числится в Воронежской области, в Богучаре, войсковая часть 91711[7]. В июне его отправили в Курскую область, село Плехово. Зачем их туда отправили — он мне ничего не говорил.

Он мне позвонил вечером 11 августа: «Мам, не переживай, все хорошо». Звонил с номера командира-[8]. Я до этого писала, писала командиру, он не отвечает. Потом в телеграме я его спросила: он живой, говорю, или с ним что-то случилось? И минуты через три позвонил Ильнар, но толком ничего не сказал.

На следующий день, 12 августа, у сына был день рождения. Ему исполнилось 19 лет. Написала командиру: «Поздравьте, пожалуйста, от нас моего сына». Он ответил: «Ок». Потом где-то в обед я позвонила ему, он взял трубку. Командир ответил: «Ну, не сказать, что очень хорошо. Но пойдет». Я говорю: «Я вам буду тогда звонить». «Связи не будет», — ответил он.

У меня трое детей родных и воспитываю еще [приемного] ребенка-инвалида. Ильнар рвался в армию, он хотел. А потом, спустя какое-то время, позвонил и говорит: «Мам, скажи [брату], пускай учится. Тут, в армии, делать нечего». Второй сын тогда как раз хотел «кадетку»[9] бросать.

Эти дни я на таблетках сижу. Ничего не получается, я постоянно там, постоянно думаю об этом. Думаю, уже билет до Курска, что ли, взять, найти их? Так этих [остальных] детей оставить некому.

«Там все не так красиво, гладко и хорошо, как преподносят в СМИ и телевизорах». Сергей Захаров, отец срочника из Пскова

Информацией о том, что происходит со срочниками там, я владею на сто процентов. У меня сейчас сын там, он срочник. Мы держим связь, и я в курсе, что там происходит, что там творится. Именно в том месте, где они находятся.

Там все не так красиво, гладко и хорошо, как преподносят в СМИ и телевизорах, поэтому мы [вместе с родителями других срочников воинской части] и решили организовать этот сбор[10]. Там все нужно: и средства первой необходимости, и гигиены, и одежда, и обувь.

Насколько я знаю, там [в зоне боевых действий] вообще не должно быть срочников, но они там есть. Вся страна удивляется, когда узнают: «А как так? Там срочников нет, это ж ребята, наверное, контракт подписали!». Я говорю: «Нет, это обычные срочники, которые там сидят, наполовину брошенные государством!». Вот как людям еще доказать? Пока сын там, я не буду ничего говорить.

Я не поеду в воинскую часть — я приеду к ребятам и отдам это лично им. Поеду в конце недели. Еду абсолютно легально, не везу ничего запрещенного, сотрудничаю с волонтерами, все разузнал — чего мне опасаться? Различных прилетов, террористов или кого-либо? Поверьте мне, я уже прошел все эти войны[11] и ничего не боюсь. Мы повезем только

то, что в большинстве случаев должно было дать Министерство обороны ребятам-срочникам. Вот и все. А оно им не дает. Поэтому мы всем миром по нитке собираем и обеспечим ребят, которые уехали [в Курскую область] с нашей воинской части.

Я знаю, что, кроме наших пацанов, там есть и другие срочники. Они есть там, сто процентов. Там не один батальон их, потому что только наш — сводный II-й батальон. И есть еще десять [батальонов] до него. И это только с нашей части. А таких частей по всей России немало, и за них тоже надо переживать.

Есть всякие записи, ролики, передачи, где президент наш говорит, что срочники воевать не будут и их там [в зоне боевых действий] не будет. А они там были, есть и будут. И жаль, конечно, но они там будут, понимаете. От этого мы никуда не денемся. Никто не говорит: «Гоните их всех вон». Страну надо защищать. Но! Нужно обеспечение. Их нужно обеспечивать, их нужно обучать. Их никто не обучал, дали автоматы, отправили. Ладно, ребята грамотные, сами разобрались. Так дайте им воды, дайте еды, дайте обмундирование. Мы четвертый раз их одеваем и обуваем! Армия их одела один раз, и то в бэушную одежду. Серьезно?

Вы думаете, мы не били тревогу? Не писали в воинские части, в прокуратуру, в Москву, в Питер? И мы только через прокуратуру добились официальной бумаги с местом нахождения нашего сына! Но многим родителям никак не добиться, даже через прокуратуру, нам, наверное, повезло. Да они [срочники] брошены на нас! Мы им помогаем, мы их обеспечиваем. Не говорю про всех, говорю про наших.

Они сейчас стоят на блокпостах, у них пальцы вываливаются из берцев. Нормально? Мне другие родители сейчас тоже звонят, когда своих ребят ищут. Там сейчас очень много ребят пропало. Информацию, опять же, по большинству из них не дает Министерство обороны. А они знают, что с ними.

Отправили? Дайте бумагу! Не дают. И все все понимают. Нет, я не помогаю Минобороны [отвозя помощь срочникам к границе]. Я могу приехать сейчас и забрать их всех оттуда. Но это будет преступление уголовно наказуемое для меня и для них. Поэтому я помогаю им выжить.

Вы, наверное, не понимаете. Мы везем им абсолютно все. От личной гигиены до бронежилетов. Мы не набрали им денег на каски, правда. Мы приобретаем все, что нужно ребятам, по мере поступления финансов, поэтому я готов выехать сегодня, завтра, сейчас, вчера... Но я с чем туда приеду? С сухим суповым набором? Нужно собрать все, что требуется, и выдвинуться.

У них [сына Сергея и его сослуживцев] был опрос недавно. Их спрашивали, кто хочет домой. И знаете, что они ответили? Все хотят, но никто не

поедет. Потому что, если часть оттуда уедет, там останется еще меньше ребят — и они точно не выдержат. И поэтому они все до одного остались. Ребята уже перестроились. Поверьте, организм человек настраивается... *(вздыхает)* под любую дудку. Поэтому, как бы ни было тяжело, они домой не хотят. Я с гордостью об этом говорю. Я из-за таких ребят сейчас могу спать спокойно.

Я много чего видел, и я доеду. Поверьте. Мне все происходящее там не нравится. Так же, как и ребятам.

«Сказал собирать посылку с термобельем, прокладками, тампонами женскими». Наталья-[12], Свердловская область, Каменск-Уральский

В начале июля ее 21-летний сын-срочник принял присягу в войсковой части в Почепе Брянской области, а к концу месяца его перевезли в воинскую часть № 12721 в Клинцах, где дислоцируется 488-й гвардейский мотострелковый полк. Как рассказала женщина, ее сына вместе с другими солдатами срочной службы собираются отправить в приграничные с Украиной регионы.

[Сына] забрали в армию 5 июля. Он совсем зеленый. Часть [в Почепе Брянской области] находилась в сосновом лесу. Маленькая деревня, абрикосы, яблоки растут.

Еще когда они пневмонией почти все болели, конечно, я все телефоны оборвала [в Почепе].

Но никто мне не даст ни с каким командиром поговорить. Просто такие же мальчишки отвечают с КПП, вот и все. [Говорят] что «не переживайте, не переживайте». И тогда начались уже проверки. Тогда, вроде бы, начали их как-то лечить.

Мы поехали, муж полетел к нему на присягу, вез сильные антибиотики, чтобы выкарабкались они. Все-таки один мальчишка там не выжил. Когда муж приехал, их на сто метров даже к КПП не подпустили.

Было очень далеко, но все-таки родители некоторые приезжали. Во-первых, это недешево. Во-вторых, хорошо, что полетел. Мне бы своими ногами туда просто не доползти было бы. Дорога очень тяжелая, и сами понимаете, все недешево.

Это был первый виток ужаса нашего, а сейчас еще хуже. Сейчас он в Клинцах [в воинской части 12721] этих, что еще хуже. Их собираются бросить на границу, в поля. Я не знаю конкретики, им же не докладывают. Сегодня с ним разговаривала. Мамы, у которых мальчики уже в полях, они молчать не будут, они уже пишут что-то. Ситуация пока еще не такая тяжелая, моя лично.

То есть сразу же после присяги их забрали, на следующий день. Муж еще даже до дома не доехал, сын уже был в другом месте. Вместо тысячи человек их было четыре с половиной тысячи. Часть просто не справилась, медицины никакой.

Просто парни там все круги ада прошли: сорок градусов жары, сорок — температура тела, и они стоят

под этим палящим солнцем с вытянутой ногой по два часа, грубо говоря.

[Сын] конечно, испуган. Там же, видимо, рассказывают все равно [о боевых действиях]. Он мне не пишет, телефоны все забрали, выдают только их за деньги. Денег таких нету. С чужих номеров звонит, с телефонов тех, кто успел попрятать.

Ничего не разглашается. Вообще ничего не добиться. В комитет [солдатских] матерей собирались ехать мы сегодня. Сказали, срочникам не помогаем, только эсвэошникам. Замкнутый круг какой-то.

[Сын] сказал собирать посылку с термобельем, прокладками, тампонами женскими. Конечно, значит, бросят [воевать].

Редактор: Дмитрий Трещанин

---

1. По данным «Верстки», на видеозаписях фигурируют военнослужащие из 488-го и 252-го мотострелковых полков, а также солдаты из войсковой части № 64045.

2. Еще 12 военнослужащих, о пропаже которых сообщают родственники, — солдаты в возрасте от 20 до 23 лет. Они могут быть как срочниками, так и контрактниками, отмечает издание.

3. Это не так. Для работы в МВД служба в армии необязательна. Для трудоустройства в полицию необходимо среднее или высшее образование, а также годность по состоянию здоровья. Впрочем, неформально при трудоустройстве в МВД действительно могут отдавать предпочтение тем, кто служил.

4. Опорный пункт.

5. Международный пункт пропуска «Суджа» был разрушен в первый день украинского наступления на Курскую область.

6. По информации в группах поиска.

7. 252-й гвардейский мотострелковый полк.

8. По словам Маргариты, командира ее сына зовут Виктор Филатов.

9. Кадетское училище.

10. На странице Захарова во «ВКонтакте» был объявлен сбор «вещей, продуктов питания и прочего».

11. В аккаунте Сергея во «ВКонтакте» есть снимки, где он позирует с флагом воздушно-десантных войск. Он также сказал, что «прошел Чечню».

12. Имя изменено.